

Российская ассоциация политической науки
Исследовательский комитет
по проблемам публичной политики и гражданского общества

Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр
«Стратегия»

Департамент прикладной политологии Национального
исследовательского университета «Высшей школы экономики» —
Санкт-Петербург

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА — 2014

Сборник статей

Под редакцией М.Б. Горного и А.Ю. Сунгурова

Рекомендовано к печати
кафедрой прикладной политологии
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

НОРМА

Санкт-Петербург

Рецензенты:
доктор философских наук Г.Л. Тульчинский
кандидат философских наук В.В. Костюшев

Публичная политика—2014. Сб. статей / под ред. М.Б. Горного
и А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2015. — 176 с.

ISBN 978-5-87857-241-5

Ежегодный альманах, продолжая традицию десяти предыдущих выпусков («Публичная политика—2004», «Публичная политика—2005», «Публичная политика—2006», «Публичная политика—2007», «Публичная политика—2008», «Публичная политика—2009», «Публичная политика—2010», «Публичная политика—2011», «Публичная политика—2012», «Публичная политика—2013»), посвящен развитию технологий и практик публичной политики, политической науки как таковой. В альманах вошел ряд материалов Третьей ежегодной конференции политологов НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге «Октябрьские чтения—2014»: «Публичная политика: проблемы развития институтов». Наряду с традиционной для альманаха темой взаимодействия органов власти и структур гражданского общества, в этом выпуске существенное внимание уделяется также проблемам гражданского образования. Первая часть альманаха посвящена памяти педагога и гуманиста профессора Н.И. Элиасберг.

Альманах рассчитан на ученых и лидеров неправительственных организаций, государственных чиновников, представителей бизнеса и журналистов — на всех лиц, заинтересованных в разработке способов решения стоящих перед российским обществом сложных задач достойного развития нашей страны.

ББК 76

ISBN 978-5-87857-241-5

Оглавление

Введение	5
Часть 1. Памяти Н.И. Элиасберг	
Наталья Ильинична Элиасберг (4.08.1933—3.07.2014)	8
А.А. Демидов. VIII Всероссийская конференция «Петербургская модель этико-правового образования детей и молодежи — воспитание гражданина России»: результаты и перспективы	10
В.П. Голованов. Проблемы гражданско-правового российского образования в современных социокультурных условиях	20
Т.Е. Матвеева. Центр гражданской, правовой и иной социально значимой информации памяти профессора Н.И. Элиасберг как агрегатор медиаресурсов для обеспечения этико-правового образования школьников	29
А.Л. Третьяков. Создание библиографического указателя работ профессора Н.И. Элиасберг	35
Часть 2. Политическая наука: вчера, сегодня, завтра	
И.С. Григорьев. Важность ошибки в работе политолога: критический разбор трудов Даля и Патнэма	40
А.Ю. Сунгуров. Экспертное сообщество и инновации в публичной политике	49
А.Н. Щербак, Е.В. Сенников, Т.А. Лисовский. Могут ли вирусы убить демократию?	59
Часть 3. Тоталитаризм и политические репрессии: прошлое, настоящее, будущее?	
И.В. Сохань, А.Л. Нездуров. Нарциссическое очарование тоталитарной власти: опыт философской и психоаналитической рефлексии	72
Е.В. Савва, М.В. Савва. Политические репрессии в современной России и методики креативного сопротивления	82
Е. Рохлина. Русское евразийство как актуальная социально-политическая концепция	87
Часть 4. Публичная политика в России: общество и власть	
М.Б. Горный. Как институты гражданского общества взаимодействуют с властями в Санкт-Петербурге	94

и властью. Такая тенденция получила свое развитие – в ряде недавних работ «пограничные организации» рассматриваются уже как медиаторы между иными акторами поля публичной политики, включая и структуры гражданского общества. Как пишут в своем исследовании Л. Клеркс и С. Льюис, научные советы и иные пограничные структуры «расширяют свои цели, принимая на себя функцию агентов инноваций, а также сочетая экономическое и существенное измерение в отношениях между органами публичной политики, исследователями и группами потребителей, действуя одновременно на нескольких границах и реализуя связующие функции с множественным набором стейкхолдеров. Тем самым они связывают различные миры, включенные в сетевые взаимодействия, и создают взаимное понимание и совместные результаты деятельности»³¹.

Наконец, в нескольких исследованиях концепция «пограничных организаций» применяется уже к структурам, целью которых является содействие конструктивному взаимодействию и сотрудничеству между различными «новыми общественными движениями», а также их конструктивным отношениям с местной властью и бизнесом: например, когда экологические организации начинают рекламировать экологически чистые компании по переработке отходов (рециклические производства) и т.д. При этом сами «пограничные структуры» могут возникать снизу, вокруг конкретной проблемы: как один из вариантов, путем создания группы в интернете и привлечения к участию в ней желающих, как это описано в работе С. О'Махони и Б.А. Бечки³². Другим примером может служить исследование А.Л. Шнейдер, в котором выяснились причины неудачи одной коалиции по развитию практик ювенальной юстиции в одном из штатов США и более успешная деятельность другой. Обе коалиции объединяли ряд некоммерческих организаций (НКО) и рассматривались как «пограничные структуры» между этими НКО и одновременно – между ними, грантодающими фондами, университетами и властью³³.

³¹ Klerck L., Leeuwis C. (2008). Delegation of authority in research funding to networks: experiences with a multiple goal boundary organization // Science and Public Policy, 35 (3). P. 186.

³² O'Mahony S., Bechky B.A. (2008). Boundary organizations: enabling collaboration among unexpected allies // Administrative Science Quarterly, 53. P. 422–459.

³³ Schneider A.L. (2009). Why do Some Boundary Organizations Result in New Ideas and Practices and Others only Meet Resistance? Examples From Juvenile Justice // The American Review of Public Administration, 39 (1). P. 60–79.

Могут ли вирусы убить демократию?

Теория демократии и смена режимов по праву занимают одно из центральных мест в политической науке. Исследователи выдвинули немало предположений, объясняющих переход к демократии и устойчивость в этой форме правления. Среди факторов, определяющих переход к демократии, наиболее популярны экономика¹, культура, историческое наследие, раскол элит². Все вышеперечисленное можно обозначить как *социальные факторы*. Мы в данной статье фокусируемся на гораздо менее популярных *несоциальных*, то есть произведенных человеком, факторах: мы фокусируемся на роли массовых эпидемий и инфекций. Главный акцент в работе ставится на устойчивости демократии. Нас интересует, могут ли эпидемии вызывать кризис демократии.

Недавняя эпидемия лихорадки Эбола, которая постепенно распространяется по планете, несмотря на все усилия развитых стран, уже унесла жизни более 6,5 тыс. человек³. Современная медицина не смогла пока создать вакцину от этой болезни. Учитывая крайне высокую плотность населения, особенно в городах, неравный доступ к современной медицинской помощи и высокую мобильность населения, пожалуй, не стоит полностью пренебрегать опасностью всплеск новых малоизвестных болезней. Если смертность от новой эпидемии перевалит через определенный порог, то не стоит исключать, что болезнь из сугубо медицинской проблемы станет острым социально-политическим вызовом. Как будут общества развитых стран, основанные на уважении к правам человека и ценности человеческой жизни, реагировать на массовую смертность из-за неизвестной болезни?

Дизайн данного исследования задуман как междисциплинарный и экспериментальный. Мы моделируем эксперимент, используя в своем эмпирическом анализе симулированные данные из голливудских блокбастеров. Используя метод множественной регрессии, мы обнаружили, что массовые эпидемии, в результате которых гибнет много людей, способны вызывать кризис демократии и переход к авторитарному режиму. Безусловно, мы понимаем, что к любым выводам на основе подобных данных стоит относиться более чем критически. Тем не менее мы уверены, что выбранный нами подход имеет ряд достоинств. Во-первых, междисциплинарность и экспериментальность

¹ Например, Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F. (2000). Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990. New York: Cambridge University Press. 336 p.

² O'Donnell G., Schmitter Ph. (1986). Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Johns Hopkins University Press. 81 p.

³ World Health Organization – Ebola Resources Page. 1 p.

делает более доступным разведывательный анализ, позволяющий получить новый взгляд на изучаемый феномен, который может быть подтвержден позднее, в более «серьезных» исследованиях. Во-вторых, наша работа дает основание надеяться, что методология количественного изучения такого «не-серьезного» материала, как художественные фильмы, может быть актуальной в политической науке.

Работа состоит из четырех частей. Первая часть содержит теоретический обзор роли эпидемий и инфекций в социальных и политических изменениях. Вторая часть включает в себя описание методологии и данных. Результаты эмпирического анализа представлены в третьей части. Четвертая часть представляет собой заключение.

Эпидемии, вирусы и инфекции: при чем тут смена режима?

В политической науке все более и более популярной становится роль социальных факторов в социальных и политических изменениях. Среди таких факторов указываются ландшафт⁴, климат⁵, стихийные бедствия⁶, генетическое разнообразие⁷ и эпидемии. Например, в своей известной книге «Ру-ропейцев не в последнюю очередь объясняется географическими факторами: климат, ландшафт, разнообразие животного и растительного мира во многом предопределяют скорость перехода человеческих популяций к земледелию, росту населения и формированию государства. В дальнейшем все эти вышеупомянутые факторы продолжали влиять на технический и социальный прогресс⁸. Другое исследование группы ученых под руководством Мишель Гелфанд связывало политическую культуру (измеренную с помощью опросов через набор установок о границах дозволенного и степени суровости санкций за нарушения этих границ по 33 странам) с той средой, в которой живут народы — носители данных культур. В ходе исследования было найдено множество значимых корреляций, связывающих «суровые» культуры с суровыми условиями существования народов — носителей данных культур. Эти условия включали в себя климат, высокую плотность населения, вероятность стихийных бедствий, урожайность, историю набегов соседей, историю эпидемий и т.д. В свою очередь, те народы, которые жили в более благоприятных природных условиях, демонстрировали более «мягкую» политическую культуру,

⁴ Diamond J. (1997). *Guns, Germs and Steel: The Fates of Human Societies*. New York, NY: W. W. Norton. 480 p. Vol. 332. P. 1100–1104.

⁵ Lazarev E. et al. (2012). Trial by fire: a Natural Disaster's Impact on Attitudes towards the Government in Rural Russia // WP BRP Series: Political Science, M.: IV ВШЭ. 30 p. URL: <http://www.hse.ru/sci/publications/50171478.html>.

⁶ Chiao J., Blizhinsky K. (2010). Culture-gene coevolution of individualism-collectivism and the serotonin transporter gene // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. № 277. P. 529–537; Reuter M. et al. (2011). Investigating the genetic basis of altruism: the role of the COMT Val158Met polymorphism // *SCAN*.

⁸ Diamond J. Op. cit.

они с большей вероятностью переходили к демократии и имели больше политических прав и свобод. На основании этого можно предположить, что политическая культура функциональна в отношении своего исторического и экологического контекста⁹.

Другое популярное направление подобного рода исследований — изучение влияния генетических факторов, генетического разнообразия на социальные и политические изменения. Это влияние не одностороннее: как гены могут влиять на социальные изменения, так и социальные изменения могут оказывать воздействие на генетическое разнообразие. Определенные гены ассоциируются с социальным поведением: есть работы о влиянии генов на проявление альтруизма¹⁰, а также коллективизма-индивидуализма¹¹. Другие исследования связывают отдельные гены с явкой на выборы¹², с членством в политических партиях¹³.

Нас больше интересует роль эпидемий и инфекционных болезней в социальных и политических изменениях. Есть исследования, которые показывают, что их роль огромна. Неустойчивость к ряду болезней может показывать целые цивилизации (есть оценки, что до 95% коренного населения Америки умерло от принесенных европейцами болезней)¹⁴, болезни могут оказывать и косвенное влияние — в том числе и на политическую культуру¹⁵. Исследования говорят, что народы с большим распространением инфекционных болезней более консервативны, традиционны, с недоверием относятся к любому рода «чужакам», применяют больше санкций за нарушение социальных норм. Это объясняется тем, что нарушение норм и «чужаки» ассоциируются с повышением вероятности новых вспышек болезней, то есть ставят под угрозу выживание популяции.

Дамиан Муррей и Марк Шаллер, изучая связь между индексом исторических эпидемий и различными показателями политической культуры для 230 исторических геополитических регионов, пришли к выводу о наличии зависимости между инфекционной нагрузкой и политической культурой. В свой индекс они включали такие заболевания, как туберкулез, проказа, тиф, малярия, лихорадка денге, и еще ряд тропических болезней. Оказалось, что у народов с историей частых эпидемий более развит коллективизм и менее развит индивидуализм. Кроме того, высокая частота эпидемий

⁹ Gelfand et al. Op. cit.

¹⁰ Reuter M. et al. Op. cit.

¹¹ Chiao J., Blizhinsky K. Op. cit.

¹² Fowler J., Dawes C. (2008). Two Genes Predict Voter Turnout // *The Journal of Politics*, Vol. 70, N 3. P. 579–594.

¹³ Dawes C., Fowler J. (2009). Partisanship, Voting, and the Dopamine D2 Receptor Gene // *The Journal of Politics*, Vol. 71, N 3. P. 1157–1171.

¹⁴ Diamond J. Op. cit.

¹⁵ Gelfand et al. Op. cit.; Murray D., Schaller M. (2010). Historical Prevalence of Infectious Diseases Within 230 Geopolitical Regions: A Tool for Investigating Origins of Culture // *Journal of Cultural Evolution*. P. 99–108.

ассоциируется с ограничением прав и свобод, а низкий уровень распространения инфекций — с более высокой вероятностью демократии. Объяснение этого феномена выглядит так: бороться с распространением эпидемий до появления современной медицины можно было только путем создания административных барьеров — например, ограничение передвижения, запрет на прием определенной пищи и т.д. Нарушение этих запретов могло поставить под угрозу всю популяцию и поэтому сурово каралось. Эти запреты и нашли отражение в политической культуре¹⁶.

Похожие выводы были получены в работе Рэнди Торнхилл и Кори Финчер¹⁷. Исследуя возможность влияния инфекционной нагрузки на политический режим, они пришли к выводу, что общества с высоким количеством заболеваний в исторической перспективе оказались менее демократичными. Исследователи объясняют такие результаты тем, что в подобном сообществе растет уровень ксенофобии — люди со стороны могут принести новую инфекцию, которая способна нанести вред популяции. Кроме того, в таком обществе могут возникнуть серьезные преграды между разными классами, между группами с более высоким достатком, так как более богатые и влиятельные будут стараться отгородиться от бедняков, чтобы не заболеть. Также, связывая это исследование с предыдущим, ученые говорят о том, что в таком обществе будет выше тяга к коллективизму, что является серьезным препятствием для развития демократии. В своей другой работе эти же авторы показали наличие связи между распространением инфекционных заболеваний и разнообразием религий¹⁸. Исследовательский вопрос, стоявший перед Торнхиллом и Финчером, заключался в следующем: почему там, где люди чаще болеют, появляется больше разнообразных религий. Ученые пришли к выводу, что обществам, подверженным эпидемиям, нужны социальные барьеры как препятствия между различными группами. Подчинение иерархическому порядку и жесткой социальной структуре может быть достигнуто благодаря какой-то идеологической базе, в роли которой может выступать религия. Как фактор, сдерживающий группу от внешних контактов, сохраняющий ее внутреннюю целостность и изолированность от мира, религия прекрасно вписывается в концепцию социальных барьеров, связанных с распространением заболеваний.

Распространение болезней было одним из ключевых факторов европейской колонизации в Новом времени. Там, где европейцев косили (тропические) болезни, они не могли перейти к поселенческой колонизации, основывали торговые фактории и правили через местные элиты. После ухода европейцев в «торговых» колониях почти не оставалось европейских социальных

и политических институтов. В поселенческих же колониях европейцы приносили свои социальные и политические институты, что способствовало в дальнейшем развитию и укреплению этих институтов¹⁹. Таким образом, уровень распространения инфекционных заболеваний сыграл свою роль в формировании политических институтов современных обществ.

Общий вывод из вышеупомянутых исследований заключается в том, что исторически более низкая инфекционная нагрузка связана с более высокой вероятностью установления демократического политического режима. Меньше эпидемий означает больше индивидуализма и больше вероятности появления и заселения европейцев с их политическими (демократическими) институтами. Иными словами, меньше болезней — больше вероятность демократии.

Стоит сразу отметить, что данный вывод сделан учеными на основе ретроспективного исторического анализа, который не учитывает ни прогресса в медицине, ни в системе здравоохранения. Для анализа социальной и политической роли эпидемий и инфекций стоит принимать во внимание эти факторы. Другой особенностью данных исследований является изучение влияния инфекций только на процессе становления демократии — без рассмотрения ее устойчивости. Если верно утверждение «меньше болезней — больше вероятность демократии» для развивающихся стран, то можно ли утверждать, что «больше болезней означает меньше вероятности демократии» для развитых стран? Иными словами, может ли массовая эпидемия привести к падению демократии и установлению авторитаризма в тех обществах, где эта демократия уже есть? Именно таким образом мы формулируем наш исследовательский вопрос. Цель статьи — попытаться дать ответ на него, а также выявить каузальные механизмы данного процесса.

Особенностью нашей теоретической модели является то, что мы исследуем социальный регресс, а не социальный прогресс. Схожий подход можно найти в другой работе Джареда Даймонда «Коллапс»²⁰, которая посвящена изучению экологических причин падения и исчезновения тех или иных обществ прошлого. Большинство исследований по политологии в той или иной степени изучает социальный прогресс: причины становления демократии, политическое развитие, расширение прав и свобод и т.д. Упадок, разрушение обществ, кризисы, катастрофы исследуются в меньшей степени, причем часто рассматриваются как своего рода «отклонения» от нормы прогресса. Нас интересуют исключительно факты крушения демократий и возможные каузальные механизмы этого процесса.

Выдвигая тезис о влиянии массовых эпидемий на смену политического режима, мы предлагаем следующую объяснительную модель. Вспышки смертельно опасных инфекций, с которыми по разным причинам не может

¹⁶ Murray D., Schaller M. Op. cit.

¹⁷ Thornhill R., Fincher C., Aran D. (2009). Parasites, democratization, and the liberalization of values across contemporary countries // *Biological Reviews*. Vol. 84, N 1. P. 113–131.

¹⁸ Fincher C., Thornhill R. (2008). Assortative sociality, limited dispersal, infectious disease and the genesis of the global pattern of religion diversity // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 275 (1651), p. 2587–2594.

¹⁹ Acemoglu D., Robinson J. (2003). Disease and development in historical perspective // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 1, Issue 2–3. P. 397–405.

²⁰ Diamond J. (2005). *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. N.Y.

справиться правительство, вызывают массовую гибель людей. Неконтролируемость распространения эпидемий не позволяет прогнозировать масштабы катастрофы. Это важное отличие эпидемий от стихийных бедствий: в результате стихийного бедствия одномоментно может погибнуть много людей, но потом сразу начинаются спасательные работы, и гибель людей резко идет на убыль. Смертность от инфекций может идти по нарастающей: чем больше погибших и зараженных, тем выше угроза новых заражений. Неспособность правительства остановить распространение болезни приводит к политическому кризису и смене режима. Массовая гибель людей является для нас ключевым фактором: чем выше число погибших от эпидемии, тем выше вероятность смены и ужесточения политического режима.

Мы предполагаем два каузальных механизма. Первый вариант условно называется «вмешательство военных». Суть его заключается в том, что на до-вольно раннем этапе эпидемии в ситуацию вмешиваются военные (или другие силовые структуры) и устанавливают авторитарный режим, который, по их мнению, необходим для поддержания режима чрезвычайного положения и борьбы с эпидемией. Довольно ярко такой вариант просматривается в фильме «*V значит Вендетта*», где (искусственная) вспышка инфекции была использована как повод прихода к власти авторитарных сил. Вторым вариантом условно называется «смена ценностей». Существует ряд исследований, которые утверждают, что для устойчивости демократии необходимо распространение и укоренение в обществе определенных ценностей, ставящих во главу угла толерантность, свободу выражения, политическое участие, гендерное равенство, индивидуализм, инновации и т.д. Такие системы ценностей получили название «ценности самовыражения»²¹. Массовая гибель людей в результате стремительного распространения смертельных инфекций способна привести к резкой смене ценностей у оставшихся в живых людей — в сторону «ценностей выживания», которые присущи авторитарным, бедным странам. Эти ценности включают нетерпимость к «другим», уважение и повиновение властям, коллективизм, важность религии. Переход к новой системе ценностей будет означать ослабление поддержки демократии и ее скорое падение.

Данные и методы

К счастью, сейчас не существует реальных данных для изучения связи между эпидемиями и крушением демократии. Для проверки нашей гипотезы мы решили выбрать путь симуляции данных.

В качестве эмпирического материала для исследования мы взяли крупнобюджетные полнометражные художественные фильмы о вирусах, эпидемиях и зомби. Подобный материал подходит для анализа как минимум по двум причинам. Во-первых, он позволяет смоделировать ситуацию заражения

и последующего изменения характера политического режима: часто это является центральной темой сюжета. Во-вторых, несмотря на художественность материала, нельзя сказать, что он в какой-то мере не отражает реальность. Хотя подобных событий по-настоящему никогда не происходило, миллионы людей в мире, посмотрев фильмы подобного жанра в кинотеатрах десяти-ки и сотни раз, ознакомились и в какой-то мере восприняли их сюжет уже не только как художественный вымысел, но и как некоторую поведенческую модель. В каком-то смысле можно утверждать, что фильмы, как и всякий вымысел, участвуют как в моделировании реальности, так и в формировании повестки дня. Вызываемое или поддерживаемое этими картинами сомнение в долговечности демократических институтов может влиять на общественные характеристики общества. К тому же массовость и популярность подобных сюжетов заставляет оценивать такие фильмы как социально значимое явление.

В базу данных вошло 23 фильма (некоторые из них являются несколькими частями одного фильма, объединены общими героями или сюжетом). При формировании базы данных мы в первую очередь обращали внимание на соответствие фильма нескольким параметрам.

Во-первых, болезнью является ключевым элементом развития сюжета, она представляет достаточную угрозу для жизни и безопасности граждан (приводит к смерти, серьезным увечьям или сильному изменению личности).

Во-вторых, важно было наличие в картине не только «микроуровня» (несколько персонажей), но еще и «макроуровня» (город, регион, государство), включающего, в частности, действия властей. Нас интересовали именно социальные и политические изменения, показанные в фильме на фоне массовой эпидемии. При их отсутствии картина не могла попасть в базу данных.

В-третьих, косвенным фактором была коммерческая составляющая: об-ладал ли данный фильм серьезным бюджетом (более 10 миллионов долла-ров), какую сумму составили его кассовые сборы. Мы не отбирали низкобюджетные, артхаусные или фестивальные фильмы (типа жанра «трэш»). Почти все отобранные нами фильмы были сделаны в Голливуде; мы хоте-ли иметь в базе данных киноленты в рамках одной традиции. Показатель-ными оказались фильмы серии «Обитель зла» (достаточно хорошо освещаю-щие политический аспект), «V значит Вендетта» и «28 дней спустя»/«28 не-дель спустя».

Мы занесли в нашу базу данных 23 фильма, годы их выхода — с 1985-го по 2012-й. Со списком фильмов можно ознакомиться в *Приложении*. Каждый фильм является одним случаем в нашем анализе. Фильмы преимущественно голливудского производства — не только потому, что их в основном произво-дят на киностудиях Калифорнии, но и из-за того, что именно им обычно уда-ется собрать наибольшее количество просмотров в кинотеатрах. Общая сум-ма собранных в прокате денег — \$ 2 162 342 497 (без учета инфляции); в сред-нем на один фильм — \$ 94 014 891.

²¹ Inglehart R. (1997). Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 453 p.; Inglehart R., Welzel C. (2010). Changing Mass Priorities: The Link Between Modernization and Democracy // Perspectives on Politics 8 (2). P. 551–567.

На материале этих картин мы создали несколько переменных. Зависимой является переменная **социально-политические изменения** (от 0 до 1; 0 — никаких изменений; 0,5 — наблюдаются некоторые изменения, ужесточения, ограничения; 1 — режим сменился) — наблюдается или нет изменение политического режима, социального устройства общества или и то и другое. Ключевой для данной работы показатель кодифицировался согласно сюжету фильма и изображенным произшедшими в государстве изменениями.

Независимыми переменными являются:

Количество погибших (от 0 до 1) — примерная оценка количества погибших согласно сюжету фильма, высказываниям персонажей или субъективным оценкам (0 — до пяти человек; 1 — почти все погибли).

Военные — *дипту*-переменная, показывающая, вмешиваются ли в описываемую ситуацию (заражение, эпидемия) военные или другие силы чрезвычайного реагирования (0 — вмешательства нет; 1 — вмешательство есть).

Права человека — *дипту*-переменная, отображающая, присутствует ли в обществе с началом эпидемии массовое нарушение прав человека: политических прав, гражданских свобод (0 — не присутствует; 1 — присутствует).

Исходя из наших теоретических предположений, мы сформулировали **три гипотезы**. Наша основанная гипотеза увязывает упадок демократии с количеством людей, погибших от эпидемий.

H1. Чем выше число погибших от эпидемии, тем больше вероятность смены режима.

Далее мы тестируем два каузальных механизма:

H2. Чем чаще военные вмешиваются, тем выше вероятность смены режима.

H3. Чем чаще нарушаются права человека, тем выше вероятность смены режима.

Для тестирования наших гипотез мы использовали метод множественной регрессии.

Результаты анализа

Формула регрессионного уравнения:

$$\text{Изменение соц.-пол.} = a_i + b_1(\text{Количество умерших}) + b_2(\text{Военные}) + b_3(\text{Права человека}).$$

Для проверки наших гипотез мы построили три модели (см. таблицу).

Влияние военных и количества погибших на изменение политического режима и социально-политических характеристик общества

Факторы	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Стандартизованные Бета-коэффициенты			
Количество погибших	0,555*** (0,191)	0,606*** (0,175)	0,381* (0,204)
Военные	—	0,386** (0,141)	—
Права человека	—	—	0,369* (0,172)
R-квадрат	0,308	0,455	0,414
Adjusted R-квадрат	0,275	0,400	0,355
N наблюдений	23	23	23

Зависимая переменная: изменение политического режима.
* — значимость на 0,1 уровне, ** — значимость на 0,05 уровне, *** — значимость на 0,01 уровне.

В скобках указаны стандартные ошибки.

Модель 1 тестирует нашу базовую гипотезу (H1) о связи между числом погибших от эпидемии и сменой режима. Коэффициент значим и положителен, что означает: чем больше погибших от вспышки инфекции, тем выше вероятность смены режима. Кроме того, во всех остальных моделях переменная «количество погибших» сохраняет значимость, что также может служить еще одним подтверждением существования подобной связи. Массовая эпидемия с большим количеством летальных исходов приводит к социальной катастрофе, а в дальнейшем и к политическому кризису. Однако каковы же каузальные механизмы, которые связывают распространение смертельного вируса и падение демократии?

Модель 2 проверяет нашу вторую гипотезу (H2) о роли военных (любых силовых структур). Обе переменные — «количество погибших» и «военные» — оказываются значимыми, имеют положительный знак. Это говорит о том, что при росте числа погибших от смертельного вируса вмешательство военных

приводит к смене политического режима. При вмешательстве в дело борьбы с эпидемией «третьих сил» (военных, иных силовых структур, популистских движений) характерно сворачивание демократических институтов. Плюралистическая демократия и военная диктатура несовместимы. Несмотря на завершенность военных о временном характере своего режима, о чрезвычайных мерах и о безусловной поддержке демократии, выход из ситуации чрезвычайного положения выглядит малореальным и после прекращения эпидемии. В этой модели — самый большой скорректированный R-квадрат (0,400), что говорит о наибольшей объяснительной силе данной модели по сравнению с другими.

Модель 3 тестирует нашу последнюю гипотезу (H3) о смене ценностей как причине падения политического режима. Мы определяем ценности через принятие прав человека. Если в фильме происходит массовое нарушение прав человека, то мы считаем, что это свидетельствует о смене ценностных установок (оставшихся в живых) жителей. Результаты анализа показывают, что переменные в модели маргинально значимы, всего лишь на уровне $p=0,1$. При росте числа погибших от эпидемии растет вероятность нарушения прав человека, что мы склонны интерпретировать как проявление смены ценностей в обществе, которое столкнулось с угрозой своего выживания. Резкий переход к более консервативным и авторитарным ценностям разрушает ценностную базу демократии и повышает вероятность перехода к авторитаризму.

В целом все наши гипотезы получили свое подтверждение. Если массовые эпидемии, вызванные вспышкой смертельного вируса, начинают угрожать жизни огромного числа людей, то политический кризис практически неизбежен. Неспособность правительства остановить распространение эпидемии, стремительный рост числа зараженных ускоряют смену режима. Изменения происходят как на микроуровне, так и на макроуровне. С одной стороны, граждане, столкнувшись с угрозой неминуемой гибели, начинают ставить ценности выживания на первый план, готовы смириться с нарушением прав человека, разрушая тем самым идеологическую базу демократии. С другой стороны, рассматривая неконтролируемую эпидемию как чрезвычайную ситуацию, военные склонны брать власть в свои руки, что приводит к смене режима. Материал изученных нами фильмов дает немало примеров для подтверждения этих выводов.

Заключение

Мы, безусловно, понимаем, что любые выводы, сделанные на использованном нами материале, — о возможности смены режима из-за массовых эпидемий, о роли военных в этом процессе, — можно назвать не более чем спорными и гипотетическими. Тем не менее даже такая выдуманная ситуация дает немало пищи для размышления, позволяет задуматься о природе современных политических режимов и о стабильности демократических институтов. Как говорил норвежский математик Нильс Абель, «геометрия — это искусство

хорошо рассуждать на плохо выполненных чертежах». Мы считаем, что наша «несерьезная» работа позволяет сделать определенный вклад в дальнейшее изучение влияния несоциальных факторов на социальные и политические изменения.

Во-первых, наша работа содержит определенную методологическую новизну. Для количественного анализа политических процессов мы использовали данные художественного вымысла, что является своего рода экспериментом, симуляцией реальных процессов. Кроме того, нас интересовал социальный регресс, это есть падение демократии, политические кризисы, часто полномасштабные социальные катастрофы. Мы считаем, что при исследовании социального регресса становится более понятен социальный прогресс. Изучение политических катастроф дает нам больше понимания об истоках политической стабильности и устойчивости режимов. Наконец, мы считаем, что несоциальные факторы незаслуженно находятся на периферии политического моделирования. С определенными оговорками политологам стоит обращать больше внимания на роль несоциальных факторов в анализе и моделировании политических процессов в долгосрочной перспективе.

Во-вторых, мы стремились показать, что роль эпидемий, инфекций и вирусов в современном *политическом* процессе может оказаться выше нулевой. Прогресс сегодняшней медицины и развитие систем здравоохранения за последние десятилетия внушает определенный оптимизм. Однако такие факторы, как опасность распространения оружия массового поражения (в том числе биологического и бактериологического), потенциальная смена климата при росте плотности населения и повышения социального неравенства (включая ухудшение доступа к современной медицине), смогут нести в себе довольно высокие риски.

Наконец, в-третьих, не стоит сбрасывать со счетов мнение голливудских продюсеров, создавших эти фильмы. Голливуд как «фабрика грез» оказывает значимое влияние на общественное мнение. В нашем случае голливудские продюсеры оказались более скептичны по отношению к судьбе демократии, чем многие политологи. Суммарные сборы изученных нами кинокартин составили более \$ 2 млрд при средних сборах более \$ 94 млн, что означает: эти фильмы посмотрели десятки миллионов человек. Немногие работы политологов могут сравниться по популярности и такому коммерческому успеху. Возможно, это тот пример, когда разговор о судьбах демократии ведется с минимальными идеологическими клише. Научные и общественные споры с выделением разных мнений из других профессиональных сообществ помогут найти новые взгляды на проблему. Вирусы способны убить демократию, но пусть они это лучше делают на киноэкранах.

Фильмы, использованные для анализа

Название фильма	Год выпуска	Режиссер
Земля мертвых	2005	Джордж Ромеро
Слепота	2008	Фернанду Мейреллиш
Обитель зла	2002-2012	Пол Андерсон
28 дней спустя/ 28 недель спустя	2002, 2007	Дэнни Бойл; Хуан Фреснадильо
V значит Вендетта	2006	братья Вачовски
Пульс	2006	Джим Сонзеро
Дитя человеческое	2006	Альфонсо Куарон
Судья Дредд	2012	Пит Трэвис
Киборг	1989	Альберт Пьюн
Судный день	2008	Нил Маршалл
Воины света	2010	Питер Спирит, Майкл Спирит
Заражение	2011	Стивен Содерберг
Эпидемия	1995	Вольфганг Питерсен
День мертвых	1985	Джордж Ромеро
Дьявольские игры	2010	Марк Маккуин
Монстры	2010	Гарет Эдвардс
Бухта	2012	Барри Левинсон
Пандемия (мини-сериал)	2007	Арман Мастосянни
У твоего порога	2006	Крис Горак
Патриот	1998	Дин Семлер
Восставшие из мертвых	2003	Питер Спирит, Майкл Спирит
12 обезьян	1995	Терри Гиллиам
Эон Флакс	2005	Карин Кусама

Часть 3. Тоталитаризм и политические репрессии прошлое, настоящее, будущее